

О. С. Дудник
Горловка

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ АНТИУТОПИЯХ

У статті розглядаються особливості конспірологічної фантастики як жанру масової літератури, різновиди сюжетів, які характерні для конспірології як фантастичного жанру, система персонажів та вплив нестандартних ситуацій, до яких потрапляють герої, на розвиток сюжету. В даному випадку головна мета зацікавити читача, змалювавши новий образ оточуючого світу. Також аналізується зв'язок конспірології з постмодернізмом та альтернативно-історичною фантастикою.

Ключові слова: антиутопія, конспірологія, постмодернізм, художнє прогнозування, фантастика.

В статье рассматриваются особенности конспирологической фантастики как жанра массовой литературы, виды сюжетов, характерные для конспирологии как фантастического жанра, система персонажей, и влияние нестандартных ситуаций, в которые попадают герои, на развитие сюжета. В данном случае главная задача автора заинтересовать читателя, представив ему новый образ окружающего мира. Также анализируется связь конспирологии с постмодернизмом и альтернативно-исторической фантастикой.

Ключевые слова: антиутопия, конспирология, постмодернизм, художественное прогнозирование, фантастика.

The article deals with the peculiarities of conspirological science fiction as one of the genres of mass literature, we take to the consideration some types of the plot, which characterize conspirology as the genre of science fiction, the system of characters and the influence of unusual situations, in which main characters may get, on the development of the plot. In this case the main purpose of the author is to attract reader's attention by describing a new image of the surrounding world. Also the connection of the conspirology with postmodernism and alternative-historical science fiction is under analysis.

Key words: *antiutopia, conspirology, postmodernism, feature forecasting, sciencefiction.*

Рубеж тысячелетий засвидетельствовал перелом в развитии постмодернизма в мировом литературном процессе, и одним из ведущих признаков этого процесса становится обращение литературы к более реалистическим темам и проблемам. Характерной особенностью современной литературы можно считать всплеск различного рода фантастической литературы. Конспирология всегда современна своему читателю из-за своей относительной злободневности: в центре конспирологической литературы находятся актуальные проблемы, понятные широким массам. Это и обуславливает цель статьи – проанализировать особенности конспирологической фантастики и проследить их наличие в современных произведениях. На данном этапе расцвет конспирологии в художественной литературе является общей тенденцией, доминирующей в современной массовой культуре. Об этом свидетельствует поток разоблачений и сенсаций, а также телевизионные проекты, отражающие возросший интерес общества к переоценке известных фактов истории. Это еще раз доказывает интерес широких масс к «конспирологической» фантастике, связанной с различными проявлениями «конспирологии», или «теории заговора». Онтологическая сущность конспирологической фантастики достаточно проста и традиционна для массовой культуры: в основе произведений этого жанра лежит предположение о существовании определенной засекреченной группы людей, пытающихся достичь какой-либо глобальной цели. Чаще всего в роли такой цели выступает мировое господство, которое может подменяться способностью воздействовать (тайно или явно) на судьбы народов и государств. Конспирология может тесно соприкасаться с альтернативно-исторической фантастикой, изображая последствия достижения поставленной цели или возможное будущее при условии ее достижения, однако, в отличие от альтернативно-исторической фантастики, обращенной в прошлое, конспирология апеллирует к настоящему и к будущему.

Игра с фрагментами реальности, лежащая в основе конспирологической литературы, отличается от постмодернистской игры своей упорядоченностью. Она не является ценной сама по себе и используется лишь как средство создания нового псевдореального мира, поэтому конспирологии чужд прием «обнажения» игры, присущий постмодернистской литературе. Это продиктовано целью автора, пытающегося привлечь внимание читателя к фактам, изложенным в произведении, и претендующего на всезнание. Специфической чертой конспирологии является детализация повествования.

Автор ставит перед собой задачу представить читателю иной образ знакомой окружающей реальности и подтолкнуть его к нетрадиционной интерпретации известных событий. В подобном контексте обращение к детали оказывается наиболее удачным способом достижения данного эффекта. Для конспирологии как фантастического жанра характерны следующие сюжеты: деятельность разнообразных религиозных и мистических секретных обществ, существование секретных научных групп и лабораторий, проводящих эксперименты или разрабатывающих новое оружие, легенды, связанные со смертью знаменитостей (причем речь может идти как о мнимости исторически реальной смерти знаменитости, так и о двойнике, занявшем место настоящей звезды). Если последняя категория является скорее предметом исследований по журналистике и специфике масс-медиа, то первые два конспирологических направления с точки зрения утопии представляют большой интерес.

Будучи жанром массовой литературы, конспирология следует определенным ее закономерностям. Психологизм в разработке образов развит слабо, и образно-персонажная система четко делится на положительных и отрицательных героев. Внутреннее мотивирование развития сюжета заменяется замысловатыми, часто надуманными перипетиями, связанными с экстремальными ситуациями, в которые попадают герои, проявляющие невероятные способности к выживанию и решению проблемных ситуаций. Противостояние положительных и отрицательных героев локализуется в столкновении Злодея – олицетворения разрушительных и враждебных всему живому сил – и Героя, но конспирологической литературе не свойствен стандартный *happy end*, знаменующий победу сил добра над силами зла. Напротив, нередко Герой терпит поражение, что сближает конспирологию с антиутопией. Тенденции развития современной русской антиутопической фантастики разносторонне реализуются в творчестве Михаила Харитонова, в частности в его повести «Моргенштерн». Название переводится с немецкого как «утренняя звезда», что находит в ее тексте двойное выражение. С одной стороны, Моргенштерн – это название сверхновой звезды, изучение необычных свойств которой является отправной точкой сюжета. С другой стороны, латинским аналогом названия является «Люцифер», одно из имен дьявола в христианстве. Ссылки на христианскую (точнее, псевдохристианскую) проблематику становятся очевидными в финале произведения, рисуя картину грядущего Апокалипсиса. Сюжет «Моргенштерна» соотносится с теорией «пассионарных толчков», выдвинутой известным историком Л. Гумилевым. Согласно его предположению, этногенез определяется всплесками некой космической энергии, которая имеет узконаправленный характер и вызывает генетические мутации, в результате которых появляются «пассионарные люди» (гении), совершающие научные открытия, возглавляющие завоевательные походы или основывающие новые религии, что в целом приводит к переходу этноса на качественно иной уровень развития. В «Моргенштерне» автор использует эту широко известную теорию, совершая при этом лишь одно допущение: теория Гумилева является не

гипотезой, а доказанным наукой фактом, и «пассионарные толчки» действительно существуют: «В эпицентре взрыва возникает поток минус-вероятности<...>По Гумилеву – пассионарный импульс» [3, с. 25]. Эта деталь служит отправной точкой целой серии сюжетных перипетий: во-первых, исследованием свойств излучения в советское время занимался целый секретный институт, от которого в настоящее время осталось лишь несколько действующих лабораторий; во-вторых, действовала специальная советская правительственная программа по запуску спутника, с помощью которого «пассионарные потоки» можно было бы перенаправлять. Наконец, хотя официально проект «Моргенштерн» прекратил существование, спутник выведен на орбиту и готов к эксплуатации. Таким образом, в повести возникает классическая теория заговора: есть скрытое от масс знание (информация о «пассионарных толчках»), тайное общество, владеющее этой информацией и использующее ее в своих корыстных целях (российские военные и чиновники). Это тайное знание, согласно сюжету произведения, способно привести к изменению хода мировой истории: «Если мы направим минус-поток на местность, где живут люди, то образуется новый народ <...> результат обещает быть грандиозным» [3, с. 27].

Выстроить стройную цепочку причин и следствий автору помогает опора на факты, которые широкие массы российского общества считают непреложной истиной: существование в Советском Союзе секретных научно-исследовательских институтов, круг интересов которых и поныне остается темой многочисленных спекуляций в СМИ, коррумпированность чиновников в высших эшелонах современной власти, наличие широкомасштабной космической программы, цели и задачи которой были лишь отчасти известны советским гражданам. В традициях конспирологии повесть перенасыщена персонажами, которые в целом разработаны достаточно слабо, и зачастую их роль сводится к введению в круг проблем произведения вопросов, актуальных для современного массового сознания, но играющие минимальную роль в развитии сюжета. Например, образ Ольги Бенеш отсылает читателя к теме всемогущества КГБ, могущество которого не исчезло вместе с СССР, Ильи Григорьевича – к продажности современной власти, готовой торговать военными секретами Родины ради личной выгоды, полковника Шацкого – к проблеме хаоса и развала в российской армии. Проблемы современной России автор наивно-патриотически возводит к убийству царской семьи и отказу от опорной роли православия в общественной жизни: «Бог возлюбил Россию, дал ей Святое Православие. Мы его дар отвергли. У нас был Царь. Мы его убили» [3, с. 18]. Даже те образы повести, которые важны для развития интриги, статичны и не развиваются на протяжении книги. Таковы образ Яны – сотрудницы секретного НИИ, наркоманки и любовницы руководителя проекта Германа, который использует проект в личных целях, надеясь стать отцом будущего Мессии, представитель американской администрации Гомес – классический злодей из советского шпионского фильма, перешедший от саботажно-подрывной деятельности к элементарному подкупу противника,

старый физик Аркадий Львович Шапиро, символизирующий уходящий «золотой век» советской и российской фундаментальной науки.

Конспирология традиционно использует в сюжетных построениях элементы детектива (шпионского романа) и приключенческой прозы, что обеспечивает динамичность сюжета. Необходимость введения этих черт массовой литературы очевидна. Действие повести происходит в многочисленных четко локализованных топосах – в квартире Ольги Бенеш, на военном командном пункте космических войск, в правительстве России, в администрации президента США, которые в итоге охватывают весь мир, что делает программу «Моргенштерн» классическим «мировым заговором», типичным для конспирологического жанра. В роли Злодея выступает ученый-ренегат Зайцев, продающий секретные материалы американской разведке, но особенностью повести является отсутствие образа Героя в традиционном понимании, соответственно, нет финальной сцены столкновения персонифицированных Добра и Зла. Более того, схема разделения на позитивные и негативные силы искажена: Яна, убивающая в итоге предателя Зайцева, не воспринимается как носитель Добра, а группа российских ученых и военных, пытающаяся возродить с помощью излучения сверхновой звезды былое величие России, приводит в итоге страну к гибели. Практически на всем протяжении «Моргенштерна» антиутопическая проблематика не проявляется открыто, но финал повести ярко антиутопичен, причем автор изображает уничтожение России и русского народа как гибель всей человеческой цивилизации и закат мира: «Горящие дома, взрывающиеся здания. Толпы людей в черном<...>убивающие на улицах человечков с растерянными русскими лицами <...> Улица виселиц, на которых раскачиваются тела» [3, с. 55]. Так актуализируется второе значение названия повести, заканчивающейся псевдоэнциклопедической статьей об Антихристе, который, как выясняется, зачат в результате действий конспирологической группы. Финал произведения открыт, что также является одним из признаков массовой литературы.

Проанализировав повесть «Моргенштерн» мы убедились, что для современных фантастических антиутопий характерны такие особенности как, динамичный сюжет, связанный с деятельностью какой-то секретной организации, детализация повествования, противостояние Добра и Зла, отсутствие «счастливого» финала, и что «теория заговора», характерная для конспирологической литературы и лежащая в ее основе, всегда проста и объясняется в тексте в подробностях. Конспирологическая литература «посвящает» читателя в тайну, неизвестную большинству его современников, тем самым переводя его в ранг «избранных». Эта функция конспирологического жанра приобретает сакральный оттенок, что особенно удачно воспринимается массовой культурой.

Библиографические ссылки

1. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154–163.

2. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова [учебное пособие]. – М.: Флинта, Наука, 2001. – 608 с.
3. Харитонов М. Моргенштерн / В кн.: Харитонов М. Моргенштерн: Сб. / М. Харитонов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – (Звездный лабиринт). – С. 5–56.

Надійшла до редколегії 30 березня 2014 р.